

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

Екатерина
Островская

ПОМОЛВКА
С ЧУЖОЙ СУДЬБОЙ

Татьяна Устинова рекомендует

Екатерина Островская
Помолвка с чужой судьбой

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Островская Е. Н.

Помолвка с чужой судьбой / Е. Н. Островская — «Эксмо»,
2018 — (Татьяна Устинова рекомендует)

ISBN 978-5-04-091621-4

В тот вечер Вероника напрасно ждала мужа домой. Глава крупной корпорации Николай Ракитин найден на берегу реки без сознания, одежда оказалась испачкана кровью его компаньона Гасилова, часом ранее зверски зарубленного топором. Видеокамеры зафиксировали, что внедорожник Ракитина незадолго до убийства подъезжал к особняку Гасилова. Экстрасенсу, приглашенному по просьбе Вероники, удалось разговорить остающегося в беспомощности Ракитина, и тот сообщил, что он — подполковник Первой мировой войны Лукомников, участвующий в боевых действиях! Кроме того, олигарх в подробностях описал, как через несколько дней собственноручно убьет четверых оставшихся в живых компаньонов. И эти убийства действительно происходят — в одно и то же время в разных городах, хотя Ракитин без движения лежит в клинике...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091621-4

© Островская Е. Н., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	16
Глава четвертая	21
Глава пятая	24
Глава шестая	30
Глава седьмая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Екатерина Островская

Помолвка с чужой судьбой

Новая книга Екатерины Островской – это отдельный мир, невероятно легко и детально придуманный. Вся книга будто бы волшебный мир Алисы – царство вечного обмана, странных интриг и волнующих парадоксов. Постоянные повороты сюжета выбивают почву из-под ног даже многоопытного читателя, до самой последней страницы не давая ни малейшего шанса разобраться в происходящем и разгадать предложенную автором головоломку.

Екатерина Островская по-прежнему способна удивлять. «Помолвка с чужой судьбой» – не только витиеватое и захватывающее детективное действие, которого мы все так ждем и на которое надеемся, открывая книгу. На сей раз у автора получилось нечто большее. Екатерина своим острым чутьем настоящего литератора-детективщика угадала то самое идеальное соотношение тайны, размаха и правды – и написала увлекательную, необыкновенную даже на первый взгляд историю, которая, стремительно развиваясь, превращается в головокружительный роман. До самых последних страниц невозможно угадать, куда выведет лихо закрученный сюжет, кто окажется предателем, кто убийцей и откуда ждать помощи!

Злодеи и герои, охотники и жертвы, причины и следствия запутаны с восхитительной виртуозностью. Екатерина Островская буквально заставляет прочитать свой новый роман!

Татьяна Устинова

Глава первая

Дорога нырнула в ночной лес, густые ели нескончаемой темной стеной тянулись вдоль обочины, пятно белого света бежало впереди автомобиля, выхватывая на мгновение то километровой столб, то редкие просветы, за которыми едва угадывались склоны лысых холмов, припорошенные россыпью бледных звезд, готовых раствориться в скором июльском утре.

За очередным поворотом начался долгий пологий подъем, за ним должен был появиться крутой спуск к мостику через глубокий овраг, на дне которого бежала куда-то неширокая речушка. Фары на долю секунды выхватили из темноты сверкающий отраженным светом знак сужения дороги. Сидящий за рулем мужчина немного сбросил скорость. Автомобиль проскочил поворот, начался спуск к мосту... Что-то едва различимое выскочило из мрака леса... Водитель вдавил в пол педаль тормоза. И сделал это весьма вовремя. «Бентли» остановился, едва не сбив человека. Перед капотом машины стояла девушка с распущенными светлыми волосами. Она пригнулась, прикрывая ладонью лицо от ослепившего ее света фар... Одежды на девушке не было никакой. Она рванулась к машине, пытаясь кричать, но звуков слышно не было. Дорогу, темный таинственный лес и весь мир накрыла ночная тишина. Девушка была перепугана и дрожала от ужаса. Она подбежала, попыталась проникнуть в машину, но у нее это не получилось... Сидящий за рулем наклонился и открыл дверь изнутри.

– Помогите! – крикнула девушка, забираясь на сиденье. – Пожалуйста! За мной гонятся...

Дверь она оставила распахнутой, водитель наклонился над ее наготой, о которой девушка вспомнила только сейчас и прикрылась руками. Дверь захлопнулась. Машина рванула, пронеслась до моста, проскочила его. И остановилась.

– Пожалуйста, помогите, – прошептала девушка, – там очень страшные люди.

– Они уже далеко, и нас им не догнать, – отозвался мужчина и обернулся назад, чтобы удостовериться в справедливости своих слов. – Пиджак мой возьмите, прикроетесь хоть.

Девушку снова начал бить озноб. Водитель, выпрямившись в кресле, принялся снимать пиджак, как вдруг что-то ужалило его в шею, едва кольнуло, и мужчина поднял освобожденную из рукава руку, чтобы прихлопнуть залетевшего в салон комара, и тут же уронил ее.

– Что такое? – удивился он.

Попытался все же снять пиджак и медленно начал заваливаться на водительскую дверь.

Муж позвонил сразу после полуночи, сообщил, что больше задерживаться в гостях не собирается, пообещал быть в течение часа и посоветовал Веронике не дожидаться его, а ложиться спать.

– Я все равно не засну, буду тебя ждать, – ответила она.

– Хорошо, – согласился муж, – тогда жди меня в постели.

Вероника не погасила свет, лежа, прислушивалась к тишине за окном, рассчитывая, что вот-вот услышит, как раздвигаются ворота, негромко рычит двигатель «Бентли»...

Взгляд упал на лежащую на прикроватной тумбочке книгу. Вероника взяла ее. Книга лежала здесь давно, пожалуй, целую неделю или даже больше. Тогда муж тоже задерживался и также посоветовал ей ждать его в постели. Она в тот вечер спустилась в библиотеку, принесла книгу, чтобы убить время, но даже не успела открыть, как услышала звук открывающихся ворот. Теперь она взяла ее с тумбочки без всякого интереса, посмотрела на обложку: Стефан Цвейг. Распахнула, с самого начала не предполагая читать... Вот-вот вернется муж. Вероника еще раз прислушалась – за окном было тихо. Можно, конечно, перезвонить ему, но зачем делать то, чего она никогда не делала за все четыре года их совместной жизни? Она не звонила, когда он задерживался вечерами, не звонила сама и в середине дня, не делала этого,

чтобы не отвлекать его от необходимых дел и важных разговоров, не хотела показаться навязчивой, излишне подозрительной или, того хуже, ревнивой.

...Мне опять стало жутко. Эти крадущиеся призрачные шаги, почти неслышные и все же неотступные во мраке портового квартала, мало-помалу вытеснили воспоминания о пережитом, заменив их каким-то безотчетным смятением...

Случайно выбранная в середине страницы фраза оказалась неуместной. Вероника закрыла книгу и вернула на тумбочку. Она подумала о муже, и ей показалось, что она и в самом деле немного волнуется... Посмотрела на светящийся циферблат настенных часов – время, к которому муж обещал вернуться, уже вышло.

«Как будет «мало-помалу» на немецком? – подумала Вероника и почему-то ответила сама себе вслух:

– Nach und nach.

Но отвлечься не получилось. И тогда она вновь подумала о книге. Вспомнила, как та появилась в их доме. Дом уже стоял, и закончилась отделка помещений, была расставлена мебель, когда Николай привез сюда Веронику, конечно же, не собираясь жить с почти незнакомой девушкой и уж тем более жениться на ней. И Вероника безо всякой обреченности ждала, когда успешный, богатый и достаточно молодой мужчина попросит ее удалиться...

Она была уверена, что именно так и случится, ведь зачем она ему, когда есть более красивые, более обаятельные и цепкие, и более умные наверняка тоже найдутся? Но миновала неделя, потом другая. Она не выходила на работу, и, вероятно, весь офис точно знал, почему она прогуливает, с кем проводит время, и презирал ее за такой внезапный роман с большим боссом. А когда однажды она позвонила Николаю в кабинет, ответил, как водится, референт Вадим, который сразу, без представления, узнал ее по голосу и пообещал передать Николаю Николаевичу о ее звонке.

Именно в тот день Коля вернулся домой, а следом подъехал «Пежо»-каблук с эмблемой сети книжных магазинов на двери. Два молодых человека начали выносить из «Пежо» коробки с книгами. Как оказалось, Николай заскочил в книжный магазин и ходил вдоль рядов, показывая: эту, эту, эту... Он покупал книги, как продукты в универсаме, делая все очень быстро, как будто спешил куда-то. Впрочем, вряд ли он сам помнил, когда в последний раз покупал продукты или спиртное. Для подобных дел у него были специальные люди...

Но книги в тот день он выбирал лично, сделав упор на германоязычную литературу, потому что знал, на какой кафедре филфака Вероника училась... Гёте, Теодор Шторм, Томас Манн и Генрих Манн, Цвейг, Кафка, Ремарк, Генрих Бёлль...

– Ничего не забыл? – спросил он, когда книги были расставлены по полкам.

Она покачала головой, потом зачем-то сказала, что не хватает братьев Гримм, и тут же заплакала от счастья, потому что поняла, что раз Николай купил для нее столько книг, значит, он не выгонит ее. По крайней мере, в ближайшее время...

И все же она заснула. Веронике показалось, что просто закрыла глаза и сразу же открыла, но в спальне было уже светло. Рядом в постели никого не оказалось. Николай, судя по всему, ночью не вернулся, и это испугало.

Она взяла телефон и посмотрела на экран. Последний звонок от мужа раздался как раз в начале первого ночи. Больше звонков не было. Вероника подумала, что надо бы самой набрать его номер. Конечно, он иногда не ночевал дома. Или находился в отъезде, или его задерживали дела. Только дела его задерживали не до такой степени, чтобы он возвращался утром... И потом, он всегда звонил и предупреждал о своей задержке, а затем еще интересовался по телефону, не скучно ли ей одной. Только это бывало очень-очень редко.

Экранчик засветился, и еще до того, как зазвучала мелодия звонка, Вероника увидела, что ей звонит адвокат Перумов.

Часы показывали половину восьмого утра. Неужели она проспала так долго? И вообще, почему Перумов звонит в такую рань именно ей?

– Что случилось? – спросила она. – Что-то с Колей?

И резко вскочила с кровати.

– Доброе утро, – отозвался адвокат, – простите, что разбудил. Я за вами... Николай Николаевич меня попросил...

– А где он и почему сам мне не звонит?

Вероника зашла в гардеробную, высматривая, что надеть...

Мысли путались, потому что она не знала, куда придется ехать и по какому поводу...

Перумов медлил с ответом, но когда она спросила, куда надо ехать, ответил:

– Я перед вашими воротами. Открывать их не надо, я подожду в машине перед въездом, а вы собирайтесь.

– Что с Колей? – прошептала Вероника в трубку.

– Страшного ничего. Небольшое ДТП, руки-ноги целы. Просто эти гаишники посоветовали ему в больницу поехать... Сами понимаете, страховка и все такое прочее...

Адвокат явно чего-то недоговаривал. Николай в любом случае сам позвонил бы, чтобы успокоить ее. И потом, при чем тут страховка?

– Хорошо, – произнесла Вероника в трубку, – я через пятнадцать минут выйду.

– Можете особо не торо... – начал было Перумов, но Вероника прервала разговор.

Четверти часа, конечно же, не хватило на сборы, но Перумов, когда она выбежала из калитки, угодливо восхитился:

– Как вы быстро! А я уж рассчитывал покомарить немного в машине. Сегодня выспаться не удалось.

– Что с мужем?! – почти закричала Вероника.

– Он в больнице Святой Екатерины. Переломов нет, ушиб только. Я вашего мужа не видел, мне позвонил Вениамин Витальевич Рубцов – начальник его охраны – и попросил подъехать туда, а я уж решил и вас прихватить, чтобы вы убедились... То есть это он меня попросил вас прихватить.

Адвокат наверняка что-то недоговаривал. Коля прислал бы за ней машину с водителем. И потом, судя по тому, как внимательно Перумов смотрел на дорогу, он врал. Очевидно, случилось что-то такое...

– Что за ДТП? – спросила она, стараясь спрятать свой испуг.

– Точно не знаю, но его автомобиль не вписался в поворот, пролетел мимо моста и почти упал в речку... Как же она называется? Вылетело название из головы.

– Где это было?

– Так я как раз об этом... А-а! Вспомнил.

Перумов хлопнул себя ладонью по лбу.

– Речка называется Пипполовка, если не путаю. Странное название. Смешное название. Путаю, наверно.

– Это недалеко отсюда, – заметила Вероника, – там вообще-то высоко падать...

– Машина, говорят, немного пострадала, но ведь там подушки безопасности и все такое прочее. Говорят, он на внедорожном «Бентли» ехал.

– «Бентайга», – кивнула девушка.

– Ну, в общем, он из машины сам выбрался. Сидел на склоне. А потом кто-то мимо проезжал и вызвал «Скорую» и ментов.

– Вы мне всю правду рассказали?

– Все, что мне известно, как на духу.

У моста через речку Перумов остановился. Вдвоем вышли из машины, но спускаться вниз не стали. Посмотрели с дороги. «Бентли» внизу уже не было. Только смятые кусты, разлившееся по траве моторное масло, смятое лобовое стекло, похожее на большой лист скотканной бумаги, и обломки бокового зеркала.

– Это Рубцов забрал машину, – пояснил адвокат. – Как-никак такая тачка тысяч двести евро стоит, а если по частям продавать, то еще дороже.

И, когда вернулись в его «Мерседес», спросил, чтобы прервать молчание спутницы:

– А что он сам за руль-то сел? Где водитель его?

– Николай Николаевич водителя отпустил вечером. Фима сказал, что хочет семью в аэропорт отвезти. Его жена с детьми и матерью в Крым собрались лететь. Чемоданов много... Но вы же знаете, что Коля и сам прекрасный водитель.

Глава вторая

Въехали на пандус у входа в больницу, и к машине адвоката тут же подошел Рубцов – начальник службы безопасности Ракитина. Он открыл дверь, и Вероника вышла.

– Как там Коля? – обратилась она к Рубцову.

– Я его не видел, но врач сказал, что ничего страшного.

– Так его можно забрать домой?

Вероника подошла к больничному входу и ожидала, что Рубцов откроет перед ней дверь, но начальник службы безопасности взял ее под локоть и шагнул в сторону.

– Пока туда нельзя, там его дознаватели опрашивают – так положено, а когда они закончат, я договорюсь, чтобы вас пропустили.

– А что случилось? Или он кого-то сбил на дороге?

Рубцов пожал плечами:

– Никого он не сбил. Я же говорю, так положено.

Он обернулся к Перумову и произнес:

– Вы тут меня с Вероникой Сергеевной подождите немного, а я пойду разузнаю, может, уже освободились они.

Рубцов зашел в вестибюль больницы, и сквозь стеклянную стену Вероника увидела, что он направился к какому-то мужчине в костюме и стал с ним разговаривать.

– С кем это он?

Адвокат тоже посмотрел сквозь стекло. И тут же встрепенулся.

– Это старший следователь следственного комитета Евдокимов. Неплохой мужик, кстати. Повезло еще, что его прислали... Но ведь Николай Николаевич Ракитин – личность очень известная. С губернатором, опять же, на короткой ноге...

Вероника уже не сомневалась, что от нее что-то скрывают. Если Коля почти не пострадал, как уверяют Перумов с Рубцовым, тогда что здесь делает представитель следственного комитета? Если произошло обычное дорожно-транспортное происшествие без жертв и пострадавших, то при чем здесь следственный комитет? Даже если Ракитин, находясь за рулем, повредил чужой автомобиль, то вопрос он сам решил бы мгновенно – вызвал Рубцова или кого-нибудь еще. Попросил бы привезти необходимую сумму, чтобы возместить пострадавшим ущерб и уладить дела на месте. В конце концов, дал бы денег на новый автомобиль...

К беседующим в вестибюле Рубцову и следователю подошел мужчина в белом халате. Вероника тут же поспешила к врачу.

Она вошла в вестибюль, направилась к мужчинам и услышала, как мужчина в белом халате произнес:

– И песни все какие-то странные.

Рубцов, увидев девушку, повернулся к ней, следователь и врач как по команде сделали то же самое.

– При чем тут песни? – спросила Вероника. – Скажите лучше, как чувствует себя мой муж Николай Николаевич Ракитин?

– Так я и говорю. Поет ваш муж. Негромко так, себе под нос. На вопросы не отвечает... Поначалу спросил что-то по-немецки. А когда понял, что мы ни бельмеса, отвернулся и замолчал. Теперь вот запел... Ну, пусть поет, никому его песни не мешают – отдельная палата ему предоставлена. Там все условия.

– Я могу его увидеть? – спросила Вероника.

Врач пожал плечами и посмотрел на следователя.

– Если господин следователь не против.

Следователь покачал головой.

– Пока не могу вам разрешить общение.
– Мне посмотреть только, я говорить не буду. В щелочку загляну.
– Можно не в щелочку, а так – у него в палате стеклянная стена, – напомнил врач следователю. – Неужели нельзя жене посмотреть на мужа?
– Вот именно, – поддержал его Рубцов, – законное право! Или у вас на просмотр требуется особое разрешение начальства?

Следователь кивнул и посмотрел на Веронику:

– Разрешаю, но с условием, что потом вы со мной побеседуете, ответите на несколько вопросов.

Следователь Евдокимов направился к лифту, и все остальные зашагали за ним.

Двери лифта были открыты, и первым в кабину зашел Рубцов.

– По правилам хорошего тона первым в лифт заходит мужчина, первым же и выходит, – объяснил он. – В темное помещение и в любое другое, где может быть опасно, тоже сначала заходит мужчина, а уж потом женщина.

Непонятно, зачем он начал объяснять это, но все промолчали. Врач нажал на кнопку последнего этажа, и лифт пополз вверх.

– Ваш муж сильно ударился головой, – обратился врач к Ракитиной, – сейчас сделаем ему томограмму, потом отвезем на рентген. Ничего страшного, я думаю, нет.

Вероника не успела ничего ответить. Двери открылись, и первым из лифта выскочил Рубцов. Он уверенно двинулся по коридору, и Ракитина поняла, что он уже побывал здесь, хотя вроде как утверждал обратное. Перумов подхватил Ракитину под руку, но, сделав два шага, отпустил, потому что девушка шла очень быстро – почти бежала. Коридор оказался длинным, они прошли мимо дежурной медсестры, мимо ординаторской, кабинета заведующего отделением, приоткрытых дверей палат, где на кроватях ждали выздоровления больные. Потом коридор повернул, и они проследовали до самого его конца, где возле стены из толстого прозрачного оргстекла, отгораживающей палату от коридора, сидел на стуле полицейский в форме. Увидев приближающегося следователя, полицейский поднялся и поправил головной убор.

– Пока никаких происшествий, – доложил Евдокимову дежурный.

Вероника посмотрела внутрь палаты, где стояла кровать и лежал ее муж с забинтованной головой. Ракитин смотрел в потолок и что-то шептал. Вероника подошла к двери и попыталась ее открыть.

– Так это... – остановил ее полицейский, следователь тоже придержал девушку. – Пока туда нельзя.

Она отступила, не споря, дверь осталась приоткрытой.

– Голова перевязана, потому что ссадина и гематома большая, – объяснил врач, глядя почему-то на адвоката.

Он увидел выходящего из соседней палаты другого врача и махнул рукой, подзывая его.

– Не заходил больше к Ракитину? – поинтересовался он.

Другой врач кивнул:

– Зашел, мне сказали, что он по-немецки что-то спрашивает, а я как раз немецкий изучал.

Поговорить толком не удалось. Потому что я не все понял.

– Но что-то понял?

Другой врач кивнул, но ответить не успел, потому что Ракитина его остановила:

– Погодите!

Она прислушалась. Из приоткрытой двери донеслось тихое пение, почти бормотание:

Брала русская бригада
Галицийские поля...
Там мне выпала награда:

Два кленовых костыля.

И лежал я в лазарете,
И на бога не роптал,
Что дожить на белом свете
На своих двоих не дал.

– Вот это время от времени Николай Николаевич и напевает, – объяснил врач. – А вообще из немецких фраз я понял немного. Больной спросил меня, где он находится. Потом сказал, что он оберст-лейтенант и прикомандирован к ставке Верховного... Только к какой ставке и какого верховного, если он оберст-лейтенант?..

– Это означает «подполковник», – объяснила Вероника. – Только я не поняла... Разве Николай сам не понимает, где он и кто?

Врач, который поднимался с ними на лифте, дернул плечом.

– Временная амнезия. Такое бывает. Обычно проходит быстро. Дадим ему снотворное, поспит денек-другой, и все будет нормально.

Врач посмотрел через стеклянную стену на Ракитина, и тот, словно почувствовав его внимание, не отрывая взгляда от потолка, снова начал нараспев бормотать:

Трое нас из дома вышли,
Трое первых на селе.
И остались в Перемышле
Двое гнить в сырой земле.

Я вернусь в село родное,
Дом срублю на стороне.
Ветер воет, ноги ноют,
Будто вновь они при мне.

Буду жить один на свете,
Всем ненужный в той глуши...
Но скажите, кто ответит
За погибших три души?

– Вот видите, – сказал второй доктор.

– Не мешайте, – тихо попросила Вероника, продолжая прислушиваться.

Почему то ей показалось, что Коля не просто так поет, а хочет ей что-то сообщить.

Кто вам скажет, сколько сгнило,
Сколько по миру пошло
Костылями рыть могилы
Супротивнику назло?

Из села мы трое вышли:
Фёдор, Сидор да Трофим.
И досталось в Перемышле
Потеряться всем троим.

Брала русская бригада

Галицийские поля.
Тем кресты, а мне награда —
Два кленовых костыля...¹

Николай замолчал. Вероника обернулась к следователю:

– Насколько я понимаю, вы с ним еще не беседовали. Хотите его допросить, но, видя такое, не решается.

Евдокимов задумался, потом кивнул:

– Хочу, и как можно скорее. Мне уже начальство звонит, требует чего то... А он все на немецкий переходит.

– Я дипломированный переводчик с немецкого, – сообщила Ракитина, – если вы мне скажете, что хотите узнать, то я помогу. Не верите мне, пригласите кого-нибудь другого, хотя бы вот его...

Она показала на второго врача. Но тот отвернулся. А следователь молчал.

– Вы только скажите, в чем обвиняют Николая Николаевича, – продолжала настаивать Вероника. – Я ведь дала слово ответить на ваши вопросы. Отвечу, разумеется, только сначала давайте и мужа моего о чем-то спросим.

– Вашего мужа доставили в больницу в два ночи. Вот в эту самую палату. Он был весь в крови, хотя открытых ран на нем не было. Потом при досмотре его автомобиля нашли топор со следами крови. А потом вдруг поступило сообщение о том, что в своем поместье был зверски убит некий господин Гасилов. Предположительно он был зарублен. Весь остаток ночи оперативно-следственная группа занималась этим убийством, да и сейчас продолжает там находиться.

Вероника стояла пораженная.

– Вы были знакомы с господином Гасиловым? – спросил следователь.

– Да, – тихо ответила девушка. – Георгий Исаевич – член совета директоров корпорации, деловой партнер моего мужа по бизнесу, держатель некоторого пакета акций. Только мне трудно поверить... Кто же его убил и где? При нем ведь всегда охрана...

Следователь зачем-то оглянулся и ответил негромко:

– Я же объяснил, что тело было найдено во дворе его загородного дома. Найдено как раз охранником, который ничего не видел и не слышал. Сказал только, что открыл дверь, чтобы впустить «Бентли» Ракитина, а потом еще раз открыл дверь, чтобы выпустить. Охранник находился в своей будке при воротах, а потом, после отъезда вашего мужа, решил осмотреть территорию и увидел возле беседки труп хозяина. Больше никого на территории не было, кроме других охранников, которые после смены отдыхали в домике. Ведь уже ночь была.

– Так, может, это сам охранник и сотворил? – предположил молчавший до этого Перумов.

– Нет, – покачал головой следователь, – экспертиза уже установила, что на топоре, найденном в «Бентли», кровь Гасилова. Кроме того, и на одежде Ракитина та же самая кровь.

– Ну ведь этого не может быть! – прошептала Вероника. – Во-первых, у Николая Николаевича с Гасиловым были вполне нормальные отношения. Обычные деловые отношения. Мой муж – старший партнер, фактически владелец всего концерна. Потом, Ракитин не был вспыльчивым человеком... То есть он не вспыльчивый человек, а, наоборот, очень спокойный и не станет хвататься за топор. И он вообще не пил, чтобы говорить, будто он мог это сделать под влиянием большой дозы алкоголя.

– Мы проверили. В крови вашего мужа и в самом деле была небольшая доза, соответствующая граммам пятидесяти или ста водки.

– Он водку вообще не пил.

¹ Солдатская песня времен Первой мировой войны.

– Или виски, – очень спокойно парировал следователь Евдокимов. – Короче, вопросов к нему много... Даже очень много, и меня все торопят. Вы, узнав это все, по-прежнему готовы помочь?

– Да, – еле слышно ответила девушка.

– Тогда слушайте и выполняйте, делайте только то, что я вам скажу, – согласился следователь. – По-немецки общаться с вашим мужем не будем. Мы пообщаемся без протокола, без аудиозаписи и без адвоката. Если Ракитин не хочет говорить на нашем с ним родном, то разговаривать с ним вообще не будем. Вы готовы согласиться на такие условия?

Вероника кивнула и спросила:

– Адвокат-то чем может нам помешать?

Перумов услышал это и добавил:

– Каждый человек имеет право на защиту. У нас ведь правовое государство.

У следователя в кармане брюк затрещал мобильный. Евдокимов достал его, поднес к уху, отошел на пару шагов и повернулся к Ракитиной спиной.

– Да... да... да, – отвечал он, – именно сейчас я этим и занимаюсь. Да, конечно, в присутствии адвоката. Специально его для этого и вызвал. Обязательно доложу.

Закончив разговор, следователь вернулся к Веронике и показал ей на приоткрытую дверь.

Они вдвоем вошли в палату, следом хотел проскочить и Рубцов, но следователь остановил его и позвал Перумова:

– Господин адвокат!

Ракитин никак не отреагировал на их появление. Даже на жену не посмотрел.

– Господин подполковник, – позвала мужа Вероника, – вам удобно общаться на русском?

Наконец он посмотрел на нее. Не поворачивая головы. Просто оторвал свой взгляд от потолка. Посмотрел и не узнал.

– Да, барышня, что вас интересует? Простите, что я сегодня говорил на немецком, но я подумал, что в плену. Прежде я не видел таких госпиталей, да и лица врачей не похожи на любезные рожи соотечественников.

Голос его был очень тихим, таким же, как во время пения. И взгляд был чужим и отстраненным.

– Меня зовут Вероника Ракитина, – сказала она. – Вы могли бы назвать себя?

– Подполковник Лукомский, прикомандирован к ставке Верховного для особых поручений. Третьего дня направлен к генералу Брусилову с пакетом. А он... я имею в виду Александра Александровича, приказал мне принять командование полком, командир которого, полковник Колычев, погиб за два дня до этого. С полусотней казаков направился в село, где располагался штаб полка. На месте узнал, что полк понес большие потери при прорыве первой линии траншей австрийков. Глубоко вклиниться в их позиции не удалось, зато батарея шестидюймовок неприятеля с холмов прекрасно была по пристрелянной местности. Наше село оказалось в зоне поражения. Было принято решение обойти батарею и напасть на нее с тыла. Батарею захватили, но вторая, молчавшая до того, открыла по нам огонь. Теперь я здесь, милая барышня, беседую с вами.

– Как вы себя чувствуете?

– Чувствую себя живым, и это хорошо. Казаков только жалко, на моих глазах почти все полегли вместе с лошадьми.

– А больше вы... – начала Вероника, но следователь Евдокимов не дал ей договорить.

– Позвольте и мне спросить. Я подполковник юсти... То есть я ваш доктор. Меня зовут Иван Васильевич. У меня тоже вопрос к вам имеется. Какое сегодня число?

– Предполагаю, что конец июля... Двадцать восьмое или двадцать девятое...

– А год какой?

– Одна тысяча девятьсот шестнадцатый. Я в здравом сознании, доктор, если вы это имеете в виду.

Дверь открылась, и в палату вошли двое врачей, с одним из которых Рубцов беседовал в вестибюле и который поднимался с ними в лифте, и еще один – крупный и короткостриженный.

– Вы, конечно, простите меня, – обратился к присутствующим высокий доктор, – но кто дал разрешение запускать в палату целую делегацию?

Следователь показал на его коллегу.

– Вот он.

– В моей больнице распоряжения отдаю только я. Сейчас же покиньте помещение. Мы проведем еще один осмотр и примем решение о дальнейшем лечении.

– Но... – возразил следователь Евдокимов.

– Никаких «но», я здесь главный врач. Так что – прошу вас удалиться.

Все направились к двери. Все, кроме Вероники.

– Я жена Ракитина, – произнесла она и посмотрела на мужа, надеясь, что он сам подтвердит ее слова.

Но муж уже лежал с закрытыми глазами и, казалось, не дышал.

– Вы тоже, – произнес главный врач, но уже более мягко, – подождите пока в коридоре. Для вас мы, разумеется, сделаем исключение. Но сейчас мы должны принять решение и назначить курс лечения. Осмотрим вашего мужа, дадим ему снотворное, пусть он выспится хорошенько.

Вероника погладила руку Николая, но он никак не отозвался на ее прикосновение. Похоже было, что он уснул сам, без всякого снотворного. Уснул внезапно и глубоко. Она даже наклонилась над ним и прислушалась к его дыханию. Дыхание было ровным и тихим. Ракитина прикоснулась губами к щеке Николая и поднялась с пластикового больничного стульчика.

Когда подошла к двери, главный врач сказал:

– Госпожа Ракитина, минут через тридцать или сорок мы можем побеседовать в моем кабинете. Отдохните пока и успокойтесь...

Глава третья

Следователь Евдокимов сел в «Мерседес» Перумова и вздохнул:

– Я в курсе, кто такой Ракитин и какие у него связи. Но здесь налицо все улики: орудие убийства с отпечатками подозреваемого, а еще кровь убитого на одежде. К тому же имеется свидетель – тот самый охранник, который подтверждает, что, кроме Ракитина в поместье Гасилова, никого больше не было.

– И переквалифицировать никак не удастся, ведь так? – спросил Перумов. – Ни превышения при необходимой обороне...

– Какая оборона! – усмехнулся следователь. – Три удара топором... И состояния аффекта, судя по всему, тоже не было. Ракитин приехал на автомобиле, сам же был за рулем, и очень спокоен при этом, по словам охранника. Приехал, вполне возможно, уже с топором. По крайней мере, никто из работников Гасилова не смог с уверенностью заявить, что этот топор именно из их сарая. Да они все одинаковые, эти топоры «фискарс». Но других отпечатков пальцев на топорище, кроме ракитинских, нет.

– Но это же смешно, – скривился Перумов, – утверждать, что уважаемый бизнесмен, очень и очень не бедный, мягко говоря, человек, заранее задумал убийство... Скажем прямо, задумал зарубить топором своего партнера по бизнесу, и при свидетелях, однако! Задумал его убить лично, что странно. Не поручить такое ответственное дело специально обученным людям, которые сделают все как надо в каком-нибудь укромном уголке. Смешно! Вы сами-то в это верите? Смешно!

– Вы, господин адвокат, иногда, как мне кажется, бываете на судебных заседаниях. Там все очень серьезно и никто не смеется. Но если вы сможете доказать, что ваш клиент был невменяем...

– А вы разве сами не видели его в палате, разве вы не разговаривали с ним? Вы считаете, что человек в здравом уме будет утверждать, что он получил контузию во время Брусилковского прорыва?

Следователь посмотрел на наручные часы.

– Господин адвокат, вы делайте свое дело, а я свое. Помогать и подсказывать вам, как и что делать, я не собираюсь. Но заведующий отделением, с которым вы сегодня общались, сообщил мне, что эту самую больницу Святой Екатерины построила корпорация, которой руководит Ракитин. Построил Ракитин быстро, вложив и свою долю средств в технику и оборудование. Многие уважают Николая Николаевича за благотворительность, а потому я могу лишь посоветовать вам следующее... Не посоветовать, а просто дать телефончик одного агентства, которое занимается расследованиями. Если их детективы смогут доказать непричастность Ракитина к преступлениям, я буду только рад.

– А если нет?

– Если нет, то уж простите меня. Но в суде вам, извините, будет очень трудно. А вообще, если Ракитин никаким боком... то есть если не замазан в этом преступлении, то уверяю вас, Вера Бережная сможет это доказать.

– Бережная? – встрепенулся Перумов. – Та самая?

Следователь кивнул.

– Та самая, моя бывшая коллега. Агентство ее тоже весьма известное в городе. Слышали, вероятно – «Восточно-европейское розыскное агентство», а сокращенно именно «ВЕРА».

– Конечно, слышал, – кивнул Перумов.

Следователь посмотрел на Веронику.

– Вы уж извините, но я должен доказывать вину вашего мужа. Как мне кажется, это особого труда не составит. А вот моей бывшей коллеге придется изрядно потрудиться, и я даже

не могу представить, как она... Вы уж простите за прямоту. И вообще, то, что я даю вам ее телефон, это уже должностное преступление.

– Так дайте, пожалуйста, номер ее телефона, – попросил адвокат.

Следователь достал из кармана пиджака мобильный, принялся искать в контактах, потом нажал на кнопку, и почти сразу ему ответили.

– Привет, Верочка, рад, что ты меня не забыла, – весело начал Евдокимов. – У меня к тебе деловое предложение... Хотя нет, я хочу направить к тебе клиентов. Ты что-нибудь слышала про Ракитина?.. Какого-какого! Известного предпринимателя. Так вот, против него в ближайшее время будет выдвинуто обвинение по сто пятой. Жена и прочие друзья уверяют, что он не мог убить... Короче, помоги им убедить следствие в их правоте... Кто будет этим заниматься? Как ты думаешь, если я уже виделся с подозреваемым? Следствие, скорее всего, поручат мне... Хорошо, обсудим...

Некоторое время следователь слушал то, что ему говорила Бережная, а потом произнес:

– Так и сделаем. А им я скажу, что после обеда ты их будешь ждать.

Разговор был закончен. Евдокимов посмотрел на Веронику, потом перевел взгляд на Перумова. И протянул ему свой телефон:

– Перепишите номер. После обеда, точнее, в два часа дня Бережная будет вас ждать, но на всякий случай предварительно позвоните ей, чтобы уточнить, а заодно она вам адрес назовет, где встречаться будете. А мне, уж извините, пора.

Следователь вышел из машины и направился к пандусу, возле въезда на который его ждал автомобиль.

– Кто такая Бережная? – спросила Вероника у Перумова. – Я так поняла, что она бывшая сотрудница следственного комитета, а теперь известный частный детектив? А ведь известность в такой деятельности достигается не только рекламой, но и успешными делами.

– Именно так! Она очень известная девушка. В двух словах: работала в следственном комитете, все у нее было нормально с раскрываемостью. Но вдруг ее оттуда поперли. В участковые опустили. Так она и там такое дело раскрыла! Сама, без ансамбля... Вы подумайте, хрупкая девушка лично задержала серийного убийцу, за которым десятка два трупов числилось, и никто на него даже подумать не мог! Богатый человек, руководитель успешной фирмы... Правда, при задержании он покончил с собой.

– Кажется, что-то слышала. Но меня былые заслуги этой женщины мало волнуют, я хочу, чтобы она помогла нам сейчас... И потом, мне кажется, что следователь неслучайно ее порекомендовал.

– Конечно, ведь в отличие от официального следствия частные агентства используют методы, которые наши уважаемые пинкертонеры в погонах могут себе позволить лишь после согласования с прокуратурой или...

– Я поняла: слежка, прослушка, видеонаблюдение в местах проживания... Но для меня сейчас важнее другое. Вы же видели, в каком состоянии мой муж. Не могли бы вы договориться, чтобы мне разрешили все время находиться рядом с ним?

– Разрешат, не разрешат – придумаем что-нибудь. Заведующий отделением, которого вы уже видели, мнется, но у него свое начальство. Так мы сходим к главному врачу. Я заранее узнал его номер телефона. Думаю, он не откажет, чтобы вы были там под видом медсестры или сиделки. Сейчас позвоню ему. Ракитин ведь эту больницу строил – здесь его уважают.

– Главный врач сам предложил зайти к нему, – сказала Ракитина.

Перумов набрал номер, начал разговор, но Вероника не прислушивалась, она подняла голову и стала искать окно на последнем этаже здания – там была палата, в которой находился ее муж. И вдруг память отчетливо выдавила из себя строки именно Цвейга – писателя, поклонницей которого она никогда не была, но именно он попался ей на экзамене по австрийской литературе:

«...Еще раньше, чем ты вошел в мою жизнь, вокруг тебя создан какой-то нимб, какой-то ореол богатства, необычайности и тайны; все мы в нашем маленьком домике на окраине с нетерпением ждали твоего приезда...»

Именно эта фраза стояла в билете, и на примере предложенного текста надо было разобрать стилистические особенности прозы известного австрийского писателя. Почему вдруг эта фраза вспомнилась сейчас, спустя почти целое десятилетие, а не тогда, когда она познакомилась с Ракитиным, когда начала жить с ним, когда вышла замуж? Ведь это и про нее тоже – про ее любовь, про ее восторг и ее надежды. Теперь обожаемый муж лежит там, наверху, гораздо ближе к небу, чем она, он ждет помощи...

– Ну, все, – с удовлетворением произнес Перумов, – главврач ждет вас и меня. Намекнул, что они хотят сейчас приобрести в Германии какой-то аппарат жизнеобеспечения, а бюджетные средства на это выделять не хотят...

Главный врач сидел за своим столом и что-то писал. Увидев, что дверь открывается, он стремительно поднялся навстречу вошедшим. Мощный торс выдавал в нем частого посетителя спортивных залов с силовыми тренажерами. Здоровяк, совсем не старый – лет сорока пяти. Он за руку поздоровался с Перумовым, потом ожидал, судя по всему, протянутой руки Вероники, чтобы поцеловать, но она ограничилась кивком. Главврач вернулся не за свой рабочий стол, а к журнальному, вокруг которого стояли кожаные кресла. Адвокат еще раз напомнил об их просьбе и конфиденциальности, чтобы следствие не могло воспрепятствовать...

– Мне плевать на следствие, – тут же отреагировал главный врач, – у меня есть больной, и моя задача – поставить его на ноги. Если моя больница их не устраивает, то пусть забирают его в свою. Или в любую другую.

Кровь прилила к лицу Вероники, она хотела возразить, но ее опередил Перумов.

– Этого допустить никак нельзя. Ракитину здесь понравилось.

– Он вам сам это сказал? – удивился главный врач.

– Я это почувствовал, – ответил адвокат, нисколько не смущаясь. – Так есть надежда оставить его здесь до полного излечения?

– Естественно. Я скажу следователям, что всякая транспортировка больного может лишь ухудшить его состояние. И потом, это решает не следствие, а судебное заседание, на котором определяется мера пресечения. При этом мнение врачей судом принимается безоговорочно. Судом принимается решение! А насколько я понимаю, обвинение еще не предъявлено, к тому же мера пресечения бывает разная. Заключение под стражу – мера крайняя. Есть еще подписка о невыезде, домашний арест...

– Вы правы, – согласился Перумов, – но все равно сделайте все возможное, чтобы Николай Николаевич как можно дольше находился под вашим квалифицированным присмотром.

– Простите, но муж не узнал меня при встрече, – не выдержала Ракитина. – Насколько серьезно он...

Вероника замолчала, подбирая слова, но те, которые приходили на ум, были слишком страшными.

– Вы ходите узнать, насколько он повредился рассудком? – помог ей главврач. – Я уверен, что речь об этом не идет. Такое случается не так уж редко при травмах, и почти всегда, да, вероятно, практически во всех случаях, память возвращается. Вопрос только, через какое время. У кого-то через день, у кого-то через месяц. Хотя месяц – это слишком долго для подобных случаев. Кстати... – он даже палец поднял, чтобы показать, что вспомнил сейчас нечто важное. – У меня же есть приятель хороший, сокурсник мой. Мы с ним военно-медицинскую академию заканчивали. Я там же и остался, в клинике при академии, а его в войска отправили. И попал он на первую чеченскую, а там уж и в плен. Сами понимаете, испытать ему пришлось многое, но главное – практику хорошую получил. Боевики как узнали, что он хирург, тут же

запрягли его: делал он там им операции, причем даже весьма удачные, слух о нем пошел. Так наши и узнали, что он жив, пытались его обменять или выкупить. Но те ни в какую, перевозили его с места на место, прятали, но в конце концов...

– Вы сказали, что он хирург, – напомнила Вероника. – А разве моему мужу нужен хирург?

– В том-то все и дело, что был хирургом, но когда вернулся, все увидели, что он как бы не в себе. А потом и вовсе Алексей стал уверять, что он теперь психотерапевт. Его из армии спасли, он вернулся в наш с вами родной город и первым делом направился в родную академию. Что он там продемонстрировал, мне неизвестно, но... Короче, прошел переобучение, пере-квалифицировался, получил новую специализацию. Работал с пациентами, у которых всякие посттравматические синдромы и разные сдвиги в результате полученных контузий и ранений. А были и такие, которые после длительного пребывания в боевых условиях не могли понять, что находятся не на войне, и вели себя в быту соответственно. Он брал только тех пациентов, от которых в бессилии отворачивались другие, очень опытные и очень уважаемые специалисты. Алексей возвращал их к нормальной жизни на раз-два. У него теперь известность, можно сказать даже, что слава. Именно слава. Его привлекают и правоохранительные органы, когда подозреваемый очень успешно косит под дурику. Даже если он и в самом деле больной... В смысле, если обвиняемый одержим какой-то маниакальной идеей, мой бывший сокурсник быстро приводит его в чувства. Мне даже случай один рассказали. Про черную вдову слышали?

– Нет, – ответила Вероника.

– Конечно-конечно, – закивал Перумов, – это та самая дама, которая выходила замуж за богатых мужчин, и через полгода-год максимум мужья скоростно отправлялись на свидание с богом или куда там их направляли.

Главный врач кивнул.

– Та дама рассуждала очень здраво, с легкостью уходила от всех предъявленных ей улик. Хотя какие улики, сами понимаете, когда свидетелей нет, а обстоятельства смерти ее мужей были всегда разные? Так вот, Леша сразу сказал, что она психически больная... Потом на глазах комиссии ввел вдовушку в транс и попросил ее рассказать о себе, и что она видит сейчас. Так та дамочка вдруг заявила, что она Семен Еремеев – ездовой в отряде Котовского, женат на Оксане Приходько, которая по своей подлой сущности шлюха натуральная и спит со всем отрядом. Но он ее все равно любит и страдает. Теперь вот он привез в отряд подводу с мукой, крупой и постным маслом, а она, эта самая Оксана Приходько, опять пьяна и рассказывает, что за время его отсутствия и с комиссаром, и с командиром пулеметной роты Жабенюком, и с каким-то рыжим местным мужиком, который угостил ее горилкой...

– И что ты сделал? – спрашивает тогда мой приятель эту дамочку.

– Я распряг кобылку, попросил товарищей, чтобы они напоили лошадку, чтобы заботились о ней впредь. Взял вожжи, пошел в грабовую рощицу и повесился возле тропинки. Вот так именно сказала та дамочка.

– Правда, что ли? – удивился Перумов. – Как такое возможно?

– Откуда я знаю? – развел руками врач. – Да и никто не скажет теперь, был ли когда-то такой ездовой Семен Еремеев и повесился ли он. Но тот сеанс гипноза или ввода в транс, сеанс проникновения в чужое сознание, наблюдали все члены комиссии, и я в том числе. Все были поражены, а еще больше были удивлены тем, что дамочка эта, придя в себя, ничего из сказанного ею не помнила, зато потом подробно рассказала следствию, как убивала мужей.

– Мы отвлеклись, – напомнила Вероника.

– Да, – согласился главврач. – Дело в том, что я в курсе, что ваш муж представляется офицером царской армии. Возможно, конечно, что он был увлечен историей того времени, и это глубоко засело в его сознании, а возможно, это эхо прожитой кем-то жизни, то есть его прошлой жизни, если верить во всю эту галиматью с реинкарнацией. Но, как бы то ни было, я

Лешу Светлякова приглашу, пусть он пообщается с Ракитиным. Без врачебной комиссии, без свидетелей, разумеется.

– А что, если вдруг он вспомнит, что происходило минувшей ночью, и это воспоминание ему повредит? – спросил адвокат.

– Я же сказал, что свидетелей не будет. А вы... – главный врач посмотрел на Веронику. – Вы можете прямо сейчас возвращаться в отделение, вам там приготовят халатик, спальное место оборудуют и все, что потребуется. Только одна просьбочка: у вас в ушах и на пальцах целых три комплекта оборудования, которое сейчас необходимо больнице. Не в обиду будет сказано, лучше снимите такое богатство, чтобы персонал душевно не травмировать...

– Так я и сделаю. А еще позвоню в приемную Ракитина и попрошу, чтобы подготовили договор на спонсорскую помощь. Так что от вас требуются реквизиты больницы, расчетный счет и прочее.

Вероника поднялась, готовая тут же мчаться к мужу, но ее остановил адвокат:

– Мы сделаем это чуть позже, а как раз сейчас мы почти опаздываем на другую важную встречу.

Ракитина растерялась – она не поняла, о какой встрече может идти речь, когда сейчас надо спешить в палату.

Перумов поднялся с кресла, протянул руку главному врачу:

– Спасибо за помощь, Виктор Викторович, но нас уже ждут, – и обернулся к девушке: – Я прямо сейчас звоню Бережной.

Глава четвертая

На крыльце офиса детективного агентства «ВЕРА» стояла девушка в обтягивающих голубых джинсиках и белых кожаных кроссовках для бега. На белой футболке из плотного хлопка – вышитая нитками университетская эмблема. Сумочки в руках девушки не было, а следовательно, это не посетительница, не клиент агентства, а, скорее всего, сотрудница – секретарша или офис-менеджер. Вероника подумала даже, что в солидной организации сотрудницы могли бы носить на службу что-нибудь более официальное.

Ракитина поднялась на крыльцо вслед за Перумовым, и адвокат сообщил сотруднице в джинсах, что у них назначена встреча с ее начальством – с Верой Николаевной Бережной.

– Это я и есть, – кивнула девушка и улыбнулась Веронике. – Только что вернулась с обеда и вас поджидаю.

Она открыла дверь, все втроем вошли внутрь, миновали турникет и будку с охранником в черной униформе, пошли по коридору вдоль ряда молчаливых дверей, оказались в приемной, где за секретарской стойкой, уткнувшись в компьютер, сидел крепкий молодой человек. При появлении Бережной и вероятных клиентов молодой человек поднялся и поздоровался.

– Есть новости? – спросила его Бережная.

Молодой человек покачал головой.

– За последний час ничего, только из городской прокуратуры вас искали.

– Нашли, – ответила Бережная, – уже позвонили мне на мобильный. После работы к нам заскочат, так что какой-нибудь столик у нас в буфетной надо организовать.

– На сколько человек?

– Традиционно – на троих.

Она распахнула дверь своего кабинета и пропустила гостей внутрь. И только после этого снова посмотрела на «секретаря».

– Да, Петя, чтобы никакого алкоголя не было. Ребята приедут по делу.

Ракитина с Перумовым расположились перед рабочим столом, Бережная опустила свое кресло.

– У нас весьма щекотливое и конфиденциальное дело, – начал Перумов, – а потому мы бы хотели узнать размеры вашего вознаграждения...

– Размер не имеет значения, – не дала ему договорить Вероника. – Моего мужа обвиняют в убийстве, которого, я уверена, он не совершал.

– Пока еще не обвиняют, – уточнила Бережная, – но такое может произойти. Я в курсе, что произошло этой ночью с вашим мужем. А потому сразу вопрос. В каких отношениях он был с Гасиловым?

– Вы будете записывать? – поинтересовался адвокат. – Просто я привык к тому, что при опросе всегда заполняется бланк, а потом надо еще написать опрашиваемому «С моих слов записано верно. Мною прочитано». И подписаться.

– У нас запись ведет диктофон. И аудиозапись отсюда никуда не уходит.

– А если ее востребует суд?

– Не востребует. Во-первых, про запись знаю только я и клиент. А во-вторых, аудио- или видеозапись не является доказательством.

– Но может быть судом принята к сведению, – напомнил Перумов.

– Вот поэтому она отсюда никуда и не уходит. А после закрытия нашего договора все материалы уничтожаются в присутствии заказчика. Если же заказчик докажет, что с материалов были сделаны и не уничтожены копии, то мы полностью возвращаем полученные от него средства и в том же объеме несем штрафные санкции. Это все будет указано в договоре.

– Как все у вас серьезно! – покачал головой Перумов.

– Я все же хочу ответить на вопрос, – напомнила о себе Вероника. – С Гасиловым у мужа всегда были нормальные рабочие отношения. Иногда они встречались и в нерабочее время. Иногда Георгий Исаевич заезжал в наш загородный дом, еще реже муж ездил к нему в резиденцию. Между нашими домами полчаса езды или чуть больше.

– Говоря о резиденции Гасилова, вы имеете в виду то место, где нашли тело? Ваш муж планировал там быть в тот день?

– Тот день он провел в офисе и вообще не планировал встречаться с Гасиловым. Вечером он заехал к Плахотникову, у которого был день рождения и который сам Плахотников не планировал отмечать, потому что ему исполнилось сорок лет, а некоторые люди считают, что этот юбилей отмечать нельзя.

– К Плахотникову он заехал с какой-то определенной целью, раз тот не собирался отмечать?

– Он завез ему подарок – какое-то ружье. Плахотников любит охоту, и у него в доме на стенах висят головы убитых им кабанов, лосей, оленей. Я один раз видела их и не хотела больше появляться в этом доме. Да и муж, зная это, не особо часто там бывал. И в тот раз он не собирался задерживаться. В начале первого ночи позвонил и сказал, что скоро будет дома.

– Вы точно знаете, что он был у Плахотникова?

– А где же ему быть?

– Случается, что некоторые обеспеченные мужчины, у которых есть молодые и красивые жены, все же заводят себе подруг на стороне, считая, что им это положено по статусу. У вашего мужа были романы?

– Не было. Я уверена. Если бы была хотя бы случайная связь, я бы почувствовала.

– Сколько личных телефонов было у вашего мужа?

– Один аппарат, но на две симки. Один номер для служебных звонков, второй – для меня, для его водителя и начальника службы безопасности Рубцова. Может быть, еще пять или семь номеров, но это личные телефонные номера некоторых чиновников. При мне он иногда отвечал на их звонки.

– Понятно, начальник полиции, ФСБ, прокуратуры, губернатор...

– Не знаю, но, как мне кажется, это не относится к делу.

– Гасилов был женат? У него были внебрачные связи?

Вероника задумалась, взвешивая, стоит ли отвечать.

– Позвольте мне, – встрял Перумов. – Вероника Сергеевна может и не знать, но мне известно, что приблизительно два года назад господин Гасилов развелся. Процесс развода оказался недолгим – бывшая жена получила все, на что могла рассчитывать, и жить ему не мешала. Находясь в браке, Гасилов святым не был – он как раз из той плеяды нуворишей, которые считают, что любовницы им положены по статусу. В последнее время он спонсировал одну молодую актрису. Кстати, замужнюю. Фамилию я сейчас не вспомню, но, если хотите, в рабочем порядке пришлю ее данные.

Он посмотрел на Веронику и потом на хозяйку кабинета.

– Я случайно слышал, что у вас есть буфетная. Если возможно, распорядитесь принести для моей доверительницы чашку чаю с бутербродиком каким-нибудь? Она сегодня с самого раннего утра на ногах, даже позавтракать не успела, а уже почти половина третьего.

Бережная посмотрела на гостью.

– Что вам принести?

– Чашку зеленого чая, если у вас найдется. А есть ничего не хочу. Да и не смогу сейчас. Только чай и ничего более.

Чай вскоре принесли. Вероника продолжала отвечать на вопросы, хотя некоторые, как ей показалось, к делу не относились.

– Как часто ваш муж сам садился за руль?.. Есть ли в вашем доме оружие?.. Как ваш муж общается с персоналом, обслуживающим ваш дом?.. Есть ли у вашего мужа враги?.. Как вы с мужем проводите выходные?.. Как отмечаете праздники?.. Ракитин – веселый человек?.. Какие фильмы любит смотреть ваш муж?.. Он часто выпивает?.. Вы когда-нибудь видели мужа разгневанным?.. У него много друзей?.. Есть ли у вас домашние животные?.. Ракитин может потерять контроль над собой?..

Время летело. В пять часов Бережная перестала задавать вопросы.

– Я вижу, вы устали?

– Я готова находиться здесь столько, сколько нужно, но мне пообещали встречу с мужем, и я спешу, а то вдруг там передумают.

– Конечно, конечно, – согласилась Бережная, – находиться рядом с мужем куда важнее для него, чем наши разговоры. Я вас провожу, а по пути возьмете текст нашего с вами договора. Сумму проставите сами – ту, какую посчитаете приемлемой для вас. Это наше правило, потому что мы работаем не только с богатыми клиентами, но и с теми, кому, кроме нас, помочь уже некому, а средствами эти люди не располагают вовсе. Не заставляйте же их брать кредиты! Сколько могут, столько и платят нам за работу...

Когда уже сели в автомобиль, Вероника, вспомнив заданные ей вопросы, высказалась, что это больше походило на беседу психотерапевта, чем на работу детектива.

– Главное, чтобы был результат, – вздохнул Перумов, – а у этой девушки в джинсах с результатами все в порядке.

– Я предложу им миллион евро, а если все решится в нашу пользу, добавлю еще столько же.

– Многовато, – сказал адвокат.

– Свобода моего мужа бесценна, – напомнила Вероника.

– Разумеется, – кивнул Перумов. – Мы с Николаем Николаевичем знакомы очень давно, почти друзья – вы в курсе, вероятно. Я его часто консультировал, но чтобы такое, как сейчас...

– Вы отказываетесь?

– Ни в коем случае! Просто мы с вами, Вероника Сергеевна, оформим все официально. Я имею в виду договор с моей адвокатской конторой, чтобы я мог положить в дело свой ордер.

Глава пятая

Стеклянную стену изнутри закрыли шторой. Палату перегородили ширмой, за которой расположили еще одну кровать, очевидно, для Вероники, и узкий офисный платяной шкаф. Поставили круглый стол, к которому придвинули четыре стула. В углу теперь стоял кулер с горячей водой, а на тумбочке – микроволновая печь.

Когда Ракитина зашла в палату, там находился врач, которого она прежде не видела. Он сидел на стуле и внимательно рассматривал Ракитина, который, казалось, этого не замечал. Увидев вошедших, врач поднялся и шагнул навстречу.

– Вы, вероятно, и есть та самая новая сиделка, о которой меня предупредил главный врач? – произнес он. – Так вот, хочу вам сообщить, что наш пациент вполне адекватно реагирует на внешние раздражители. Правда, разговаривать со мной он не хочет, но, видимо, это от лекарств, которые ему вкололи. Пару часиков он поспал, от обеда отказался. Может быть, вы его покормите?

– А вы вообще кто? – поинтересовалась Вероника.

– Лев Иванович Котомкин, заведую неврологическим отделением. В больнице, как вам известно, нет отделения психиатрии, но в случае необходимости я и по этим вопросам консультирую. Практический опыт имеется.

– Нам не нужен психиатр, – резко сказала Вероника. – Разве диагноз уже поставлен? Простите меня, но главный врач обещал, что будет другой специалист. То ли психотерапевт, то ли экстрасенс.

– Чтобы Виктор Викторович порекомендовал экстрасенса! – удивился врач. – Ни за что в это не поверю.

– Я, вероятно, не так выразилась. Главврач говорил о своем сокурснике, который прошел Чечню. Кажется, он назвал имя – Алексей.

– Да вы что! – Глаза врача округлились, и он произнес уже совсем другим тоном: – Алексей Иванович – не экстрасенс, он волшебник! Легенда, можно сказать. Такой судьбы человек! Представляете, человек вернулся из плена, рассчитывал получить свои кровные, боевые то есть, а там с выплатой тянут – говорят, какие еще боевые, если ты в плену был, а чем там занимался, еще уточнить и перепроверить нужно. А у Алексея Ивановича молоденькая жена, квартирка маленькая, да там еще сестра разведенная с дочкой. Решили всей семьей скинуться, взять кредиты и купить квартирку в сдающемся доме. И нарвались, как назло, на мошенников. Все свои деньги потеряли, да еще те, что взяли в долг у знакомых... Кредиты банкам опять же надо возвращать, а боевых все нет и нет... Да и боевые там – копейки, если честно.

– Ну, ведь разрешилось как-то, я надеюсь? – спросил Перумов.

– Ну да, – согласился Котомкин, – только сколько нервов на это ушло, а ведь нервные клетки, как всем известно, не восстанавливаются. Столько унижений и оскорблений... Выкупил потом свою квартирку Алексей Иванович, только туда уже сестра с дочкой въехали, а друг нашего главного врача с родителями остался.

– А жена его?

Котомкин сделал печальное лицо, развел руками и произнес с грустью:

– А жена его не выдержала всего этого и выбросилась из окна. Возвращалась, очевидно, домой. Остановилась на лестничной площадке рядом со своей квартирой, домой идти сил уже не было, смотрела вниз, а потом открыла окошко – и выбросилась. На четвертом месяце была...

– Ужас какой! – прошептала Вероника.

– Это не ужас, – вздохнул врач, – это обычная жизнь простого народа. Я все это доподлинно от нашего главного знаю. Находился у него в кабинете, когда ему сообщили. Он мгновенно в камень превратился. Я быстренько к себе в кабинет за коньячком сбегал – в таких делах

лучшего лекарства нет. А главный наш – вы же видели, здоровенный мужик, сидит молча, только слезы по щекам катятся. Вот как близко к сердцу чужую беду принял. А вы говорите, что врачи привыкают к чужому горю!

– Вероника Сергеевна ничего подобного не говорила, – возразил Перумов.

– Ну и что теперь Алексей Иванович? – спросила Вероника.

– Пришел в себя, разумеется. Он такое в плену прошел – закаленный жестокостью жизни человек. Теперь живет, другим помогает. Не женился, родителей похоронил, по виду вполне обычный и приветливый человек. А если верить нашему главврачу, то Алексей Иванович с несчастной женой своей общается. И даже говорит, что Анечка теперь успокоилась и у нее там все хорошо.

Доктор Котомкин замолчал, вздохнул и понизил голос:

– Только вы уж не проговоритесь нашему главному, что я таким болтливым оказался. За мной это водится, конечно, но обычно я сдержанный...

Вероника опустила на стул, на котором до этого сидел Котомкин, осторожно погладила мужа по волосам поверх перевязанного лба, потом взяла в руку его ладонь. Ладонь была тяжелой и безвольной. Наклонилась и поцеловала Ракитина в щеку.

– Все будет хорошо, – шепнула она, – поправляйся.

Врач Котомкин подошел к дверям.

– Сейчас шесть вечера, – сказал он, – сейчас у ментов за дверью смена будет. Другого охранника пришлют.

Перумов хлопнул себя по лбу.

– Совсем забыл!

Он достал из кармана бумажник, вынул из него несколько купюр и вышел из палаты вместе с врачом.

– Ты меня слышишь? – шепнула Вероника мужу. – Можешь не отвечать. Просто моргни, если слышишь меня и понимаешь. Я тебя очень люблю и буду любить вечно. Никто мне не нужен, кроме тебя.

Вернулся Перумов.

– Пять тысяч дал охраннику и проинструктировал его. Парень сказал, что снова попросится сюда на суточное дежурство, чтобы с кем-нибудь посменно здесь сидеть. Пообещал позвать такого же неболтливого напарника, чтобы с ним подменно сутки через сутки. Вот только у него из спецсредств только газовый баллончик, резиновая дубинка и четырехзарядная травматика «Оса». А чего из такого, прости господи, пистолетика сделаешь? Он бесствольный, и прицельной стрельбы не получится.

– Так вы думаете, что кто-то будет на нас нападать?

– Нет, конечно. Это я просто так сказал. А еще я у Котомкина узнал фамилию легендарного Алексея Ивановича – Светляков. Я нем, кстати, прежде тоже слышал, как о хорошем эксперте в особо сложных случаях. А еще Котомкин сообщил, что Светляков сегодня подъедет сюда к семи вечера. Его этот случай заинтересовал.

– Просто они почувствовали, что тут можно денег урвать, вот и изображают заботливых специалистов, – предположила Вероника. – Надеюсь, что этот психотерапевт Светляков совсем другой.

– Дождемся и посмотрим, – сказал Перумов.

Ждать пришлось недолго. За это время адвокат распорядился, чтобы им в палату принесли ужин, а потому, когда дверь отворилась, Вероника с Перумовым подумали, что сейчас въедет тележка с едой. Но вошел мужчина в белом врачебном халате. Очень тихо поздоровался, тут же халат снял и повесил на крючок у двери. Под халатом оказался серый, весьма скромный костюм.

– Я Алексей Иванович Светляков, – представился мужчина и, приблизившись к лежащему с закрытыми глазами Ракитину, повторил чуть громче: – Светляков.

– Он вряд ли слышит, – заметила Вероника. – Утром он отвечал на вопросы, но представлялся другим человеком.

Алексей Иванович склонился над кроватью и тут же выпрямился и повернулся к девушке.

– Мне кажется, он все слышит и понимает, но только нас с вами слышит и понимает совсем другой человек – тот, что с вами разговаривал.

Он шагнул к Веронике.

– Так кем он представляется?

– Подполковником царской армии.

– Согласно табели о рангах российской империи подполковник – это чин седьмого класса, если я правильно помню. А следовательно, обращаться к нему следует «Ваше высокоблагородие». Но мы попробуем вернуть его к реальной действительности, не разговаривая с посторонним человеком.

Он снова обернулся к Ракитину, громко и немного растягивая слова произнес:

– Николай Николаевич, к вам посетители. Вы примете их или сначала с женой хотите поговорить?

Ракитин не пошевелился и не ответил.

Светляков обернулся к Веронике, а потом так же громко, но уже сменив интонацию, приказал:

– Ваше высокоблагородие, доложите, где вы сейчас находитесь!

– Беседую с хорунжием Селивановым, который командует приданном полку полуэскадром. Хорунжий уверен, что мы можем обойти высоту и атаковать вражескую батарею в конном строю. Я соглашаюсь: внезапная атака имеет все основания для успеха. У нас более полусотни сабель, и казакам надоело, что по ним уже сутки лупит артиллерия... Мы атакуем, мы на позициях батареи, рубим в капусту оружейную прислугу... Потерь нет... По нам бьет скрытая рощей батарея полевых пушек... Первые снаряды попадают в пленных австрийков, их трупы разбросаны, мы уходим на лошадях и... Я тяжело ранен... Лежу и вижу рядом с собой мертвую голову коня и убитого хорунжия Селиванова...

– Вы можете вспомнить, что было с вами дальше?

Ракитин думал долго, но наконец ответил:

– Плен, госпиталь, побег из плена с генералом Корниловым, дядя представил меня императору...

– Кто ваш дядя?

– Князь Александр Сергеевич Лукомский, генерал-квартирмейстер ставки верховного главнокомандующего.

– Вы знакомы с Николаем Николаевичем Ракитиным?

– Незнаком. Но Ракитины – наши соседи по смоленскому имению. Николая Николаевича я не знаю.

Светляков опять повернулся к взволнованной Веронике:

– Пусть немного передохнет. А потом начнем с ним работать. Но вы узнали его голос?

– Не совсем. То есть тембр вроде его, но он иначе произносит слова.

– Я то же самое считаю, – подключился Перумов. – А вообще я поражен: не мог даже представить, что такое вообще возможно! Как так, человек из двадцать первого века называет фамилии и должности людей, никому теперь не известных и живших сто лет назад! Это выше моего понимания.

– На свете, брат Горацио, есть многое такое, что и не снилось нашим мудрецам, – ответил Алексей Иванович и снова начал рассматривать Веронику.

– Он и со мной так же разговаривал, представлялся тем же самым подполковником Лукомским, а до того говорил с врачом, так же не приходя в сознание и не понимая, кто он на самом деле, – начала рассказывать она. – Вы можете помочь вернуть его? А то мне не по себе. Если честно, то мне даже страшно.

– Не надо бояться, – сделал попытку успокоить ее Алексей Иванович. – Он жив, здоров, просто сейчас где-то далеко. Возможно, находится в более прекрасном времени, где есть и вы тоже, возможно, поэтому он и не спешит возвращаться в наше настоящее. Но у меня были случаи и более сложные. Так что не надо отчаиваться, а то на вас лица нет.

– Так вы поможете ему вернуться?

Светляков кивнул и задумался.

– Но задача ведь не только в этом, – наконец произнес он. – Я понял поставленную передо мной задачу так, что вашего мужа нужно вернуть, а кроме того, не травмируя его психику, узнать о событиях минувшей ночи, чтобы обеспечить ему алиби.

Девушка кивнула и после некоторой паузы негромко произнесла:

– Да.

– Тогда еще вопрос к вам. Но если то, что вы узнаете, лишь подтвердит его виновность, готовы вы это принять?

– Готова, потому что, кроме меня, этого никто знать не будет.

Светляков посмотрел на адвоката.

– Так и я никому ничего говорить не буду... – начал тот.

И вдруг Перумов начал суетиться и сжиматься под взглядом собеседника.

– Ну, хорошо, хорошо. Я выйду... Когда закончите, позовите, а я заодно посты проверю.

Дверь за ним закрылась.

– Присядьте на кровать, – попросил Светляков, – и возьмите мужа за руку.

Вероника так и сделала. И тут прозвучал уже совсем иной голос Светлякова:

– Ракилин! Николай! Слышишь меня?

– Слышу, – отозвался после некоторой паузы муж Вероники, – но очень плохо слышу.

Ты далеко. Подойди ближе.

– Уже подошел, – продолжал, не трогаясь с места, психотерапевт. – Я уже совсем рядом.

– Вот теперь хорошо слышу. Ты хочешь спросить?

– Я прошу вспомнить вчерашнюю ночь. Где ты был и что помнишь?

– Все помню. Лес. Берег озера, светает. Рассвет бледный. Палатка. Заглядываю туда. Беру ружье.

– Какое ружье?

– Помповое «Итаке». На ложе – серебряные насечки. В палатке спит человек. Я приставляю ствол ружья к его груди и стреляю.

– Какое ружье? – прошептала пораженная Вероника. – О чем это он?

Светляков даже не посмотрел на нее. Он продолжал спрашивать:

– Вы знаете человека, которого убили?

– Знаю. Это Плаха. То есть Плахотников Юрий Данилович, бывший бандит и убийца.

Теперь он член совета директоров моей компании.

– Что он говорит? – прошептала Вероника, пытаясь ладонью остановить бегущие из глаз слезы.

– Назовите число, месяц и место, где вы находитесь.

– Третье августа этого года. Карелия. Тридцать второй километр за Медвежьегорском.

Начинает светать.

Светляков посмотрел на Веронику.

– Не надо плакать. Все хорошо.

– Как же хорошо? Третье августа через три дня только! И Плахотников жив.

– И слава богу, что жив. Ваш муж находится в другой реальности, где все идет по-другому, время движется иначе, и совсем другие события происходят. Дадим вашему мужу отдохнуть. Да и вы успокойтесь – ничего страшного не произошло и, надеюсь, не произойдет. Давайте успокоимся, потом позовем сюда адвоката и скажем ему, что пока ничего не вышло. А вообще лучше этим заниматься с утра, на свежую голову.

Вероника кивнула. Погладила ладонь мужа и, наклонившись, поцеловала ее.

В сумочке зазвонил телефон. Пришлось встать и смотреть, кто вызывает. А вызывала бывшая жена Гасилова. Вероника решила не отвечать. Телефончик перестал пиликать. Раки-тина подошла к дверям и выглянула в коридор. Там стояла женщина с тележкой и Перумов.

– Завозите ужин, – махнула рукой Вероника.

Ужинали вдвоем. Алексей Иванович ушел почти сразу, как только признался, что ничего у него не вышло.

– Ну что ж, – вздохнул адвокат, кинув взгляд на закрывшуюся за психотерапевтом дверь, – и на старуху бывает проруха.

Ели молча, но когда Перумов взял стакан с чаем, он все-таки не выдержал.

– Не вышло у него! Вот так просто! Как все прошло, Вероника Сергеевна? Может, вы мне расскажете чуть-чуть подробнее?

– Коля отозвался, но сказал, что далеко и плохо слышит, а Алексей Иванович не стал настаивать.

Может быть, не надо было это говорить, придумывать, словно оправдываясь за незнакомого ей человека, но адвокат успокоился.

– И когда теперь получится?

– Завтра попробуем. Кстати, звонила бывшая жена Гасилова, но я не стала отвечать.

– Это вы напрасно. Вдруг она располагает какой-нибудь полезной для нас информацией? Вы можете ей сами перезвонить?

– Могу, но не хочу. Во-первых, она мне не подруга. Во-вторых, она бывшая жена, с которой у Гасилова не было уже никаких отношений. В-третьих...

Телефон зазвонил опять. И опять это была Гасилова. Вероника посмотрела на адвоката, и тот, догадавшись, чей это вызов, кивнул.

– Але, меня слышно? – спросил женский голос. – Это Жанна Гасилова. Ты меня узнала?

– Узнала.

– Я вот чего звоню. Ты вообще молодец. Я хоть и думала, что ты тварь последняя, но теперь, можно сказать, так не считаю... То есть, что я считаю, тебе, конечно, до лампочки... Так вот, Ракитин твой – молодец! Я только сейчас узнала – мне Лариска Суркис позвонила и со всеми подробностями ввела в курс дела. Вроде того, что отлились... или как там – отплатились волку овечьи слезки. Я, как ты понимаешь, не овца, но так просто говорят... И, конечно, терпеть была не намерена. Я бы сама этого козла своими собственными руками порвала... За все, что он со мной сделал... За то, что почти двадцать лет жизни ему отдала... Слава богу, что детей нет, а то бы они его сами... Но ты меня опередила, то есть твой Ракитин... Он сейчас где, кстати? В тюрьме уже? Тогда ты приезжай ко мне, посидим, вспомним былое... Как раньше было... Ты слышишь?

– Мы с вами раньше никогда нигде не сидели, да и сейчас у меня не то настроение, чтобы сидеть вот так.

– Ты чего, типа того что обиделась? Забудь. Давай, бери такси... Хотя какое такси, у вас же целый парк машин и целый зоопарк водил... Запрягай одного и записывай адрес. У меня есть бутылочка виски, но ты можешь тоже прихватить.

– Сегодня не получится. В другой раз как-нибудь.

– Ну, не хочешь – не надо. На фиг ты нужна мне здесь. Без тебя как-то лучше дышится...

И тут пошли гудки.

– Я все слышал, – сообщил Перумов, – дамочка в дупель пьяная. Так что ничего существенного она сказать не могла.

– Она не для того звонила. Она позлорадствовать хотела и посмеяться надо мной, считая, что Ракитина посадят, а я разорюсь на судах. Но я менее всего сейчас готова говорить о Жанне Гасиловой. Мне хотелось бы, чтобы с мужем все было хорошо, чтобы Алексей Иванович смог помочь ему... Когда Коля очнется, он лучше нас будет знать, что делать дальше.

Глава шестая

Бережная внимательно просматривала подготовленную для нее справку – все, что смогли узнать ее сотрудники о Ракитине, о его фирме, о партнерах, о ближайшем окружении и о жене Ракитина Веронике, теперь лежало стопкой листов с распечатанным на принтере текстом. Чем больше Бережная изучала материалы, тем сильнее ей хотелось позвонить и отказаться от дела, потому что шансов доказать невиновность Ракитина не было вовсе. Если следствие докажет, что Ракитин убил Гасилова, то опровергнуть это, скорее всего, не удастся. Если адвокат предпринимателя уверял, что между убитым и его клиентом были прекрасные партнерские и даже дружеские отношения, то он откровенно лгал.

Николай Николаевич Ракитин пятнадцать лет назад, почти сразу после окончания университета, стал соучредителем предприятия «Раумкрафт», зарегистрированного в Германии и занимающегося производством сухих строительных смесей. Очень скоро немецкая компания вышла на российский рынок с более качественным и более дешевым по сравнению с российскими аналогами товаром. Потом в России были построены несколько заводов, и строительные смеси еще подешевели. Ракитин, который был у немцев младшим партнером, увеличил свою долю в уставном капитале, но все равно пакет принадлежавших ему акций составлял менее двадцати процентов. И хоть уже тогда он был богатым человеком, бизнесом заправляли немецкие партнеры: Генрих Крафт, его жена Урсула Крафт и Вилли Ульраум... Ракитин являлся только членом правления и директором российского представительства компании, которая весь свой бизнес вела именно в России. Так бы оно и продолжалось, но в один день все изменилось. В тот самый день, когда небольшой частный самолет, на котором немецкие учредители летели на встречу с Ракитиным, рухнул на взлетное поле, едва оторвавшись от земли. Проведенное в Германии расследование установило причину аварии – неисправность техники.

Согласно уставу предприятия в случае смерти кого-либо из учредителей все их акции достаются наследникам, а при отсутствии таковых – другим владельцам предприятия. У четы Крафт не было наследников, а старая мать Ульраума сразу передала свою долю Ракитину. После этого размер состояния теперь уже единственного владельца вырос в несколько раз. Вырос настолько, что он в скором времени приобрел пакеты акций нескольких предприятий: строительного треста, кирпичного завода, завода железобетонных изделий, предприятия по добыче и переработке природного камня и крупной риелторской компании. Все эти предприятия уже были связаны с концерном «Раумкрафт» и между собой. Ракитин, купив их акции, лишь собрал несколько фирм в одну, создав мощный строительный холдинг.

Гасилов был совладельцем строительного треста. Покупка акций его предприятия Ракитиным, как и покупка других предприятий, а также создание мощного холдинга было недружественным поглощением, как оценили сделку специалисты. Ракитин обменял дорогие акции своего концерна на акции более слабых предприятий, которые стоили гораздо дешевле. Обменял по номинальной стоимости. А значит, за одну свою получал несколько чужих акций. После объединения Николай Николаевич для привлечения новых средств в развитие провел еще одну эмиссию, поддержать которую новые партнеры уже не смогли. Беднее они не стали, оборот их предприятий даже значительно вырос, только руководил этими предприятиями уже другой человек. Хотя, может быть, руководили и сами, но владел ими Николай Николаевич Ракитин.

Поначалу в совет директоров нового холдинга вошли тринадцать человек, но не прошло и года, как их осталось семеро. Бывший владелец карьеров, где добывали гранит и щебенку, умер от сердечного приступа... Смерть, вполне возможно, была естественной – человеку накануне исполнилось пятьдесят восемь. Потом двое более молодых партнеров Ракитина решили половить тунца в Индийском океане и попали в шторм, обломки арендованной ими яхты выбросило на остров Нуси Бураха. Ни команды, ни бизнесменов не нашли. Почти сразу после

этого четверо компаньонов Ракитина отошли от дел, продали акции концерна и уехали жить за рубеж...

Совет директоров состоял теперь из семи человек. Около года назад один из них – некий Рогожкин – был застрелен при выходе из ночного клуба. Телохранитель сообщил, что выстрел был произведен из проезжавшего мимо автомобиля. Машину нашли через несколько часов: она числилась в угоне, отпечатков пальцев ни на руле, ни на ручках дверей не обнаружили. Тем не менее убийца и заказчик были найдены и осуждены. Как установило следствие, заказ сделала жена Рогожкина, а совершил убийство ее молодой любовник.

Теперь вот Гасилов. Прежде чем заняться бизнесом, он вел другой промысел. Как и остальные члены совета директоров: Клейменов, Ширяев, Суркис, Плахотников... В ту же группировку входил уже упоминавшийся Рогожкин и те, что погибли возле острова Нуси Бураха... Только Ракитин никогда бандитскими делами не занимался.

Вера читала и пыталась понять, как человек, окончивший экономический факультет, – обычный выпускник, каких тысячи, – смог выйти на немецких бизнесменов, предложить им какую-то программу, убедить вложить деньги, смог приумножить эти вложения и заработать сам. А потом он берет в долю «авторитетных» бизнесменов, которые по сути своей не стали бы с ним считаться, но Николай Николаевич не только подчинил их себе, но делал все, что считал нужным делать. Значит, его крышует кто-то более серьезный, чем все эти пацаны.

Вера набрала номер следователя Евдокимова.

– Ваня, есть что-нибудь интересное по нашему делу?

– Кое-что есть, но я готов обменяться информацией, только если и у тебя есть что-нибудь стоящее.

– Ничего пока нарыть не успела, зато есть вопрос. У Ракитина службу безопасности возглавляет некто Рубцов. Что о нем известно?

В трубке послышались какие-то звуки, похожие на смех. А потом раздался веселый голос Евдокимова:

– Тебе повезло, потому что я знаю про него почти все. Я ведь когда-то начинал в Приморском районе, а Вениамин Рубцов руководил там убойным отделом. Ему и тридцати не было, но он резвый был очень. Однажды его со службы даже выперли, однако через день обратно взяли. Хотя прокол у него случился серьезный. Он пришел со своим опером из убойного на квартиру предполагаемого грабителя и убийцы. Решили засаду устроить. Прихватили с собой еще третьего, но уже из другого отдела. Взяли с собой бутылочку водочки, как полагается. Выпили. Жена подозреваемого закуску выставила, а потом еще подружку позвала. Та пришла и еще пару бутылок прихватила. Ночью решили дежурить посменно. И вот просыпается в темноте Рубцов, выходит на кухню, а напарника нет – тот с подругой хозяйки в ванной комнате занимается более важными делами. Рубцов дверь ногой выбил и приятелю вломил, тот обиделся, решил домой уйти. Ушел, но тут же вернулся, сказал, что стоявшая во дворе их дежурная машина пропала. Вспомнили о третьем, а того и след простыл, и ключей от машины тоже нет... Короче, никого им тогда задержать не удалось, да еще машину потеряли с опером из уголовного розыска. Того, правда, под Воронежем задержали, он ехал в Таганрог к маме – давно не виделись. Парень он молодой был, в отделение пришел недавно, еще не сдал экзамены на оружие, и потом ему вместо штатного «ПМ» выдали автомат... С «АКМом» он и уехал в Таганрог. Короче говоря, погнали со службы Рубцова, а он за сутки вычислил, где находится на самом деле подозреваемый. И взял его сам, да не одного, а с другими такими же грабителями – они как раз собирались машину инкассаторов брать.

– Я слышала эту историю. Думала, выдумка.

– Нет, чистая правда. Когда его поперли, он отследил жену подозреваемого, которая тогда закуску имставляла. Прижал ее... Ладно, хватит уже про Рубцова, которого подчиненные называли просто Веня, еще много чего можно рассказать, но это не главное. У меня есть кое-

что весьма существенное в свете всего произошедшего. На этот раз про Веронику Ракитину. Как выяснилось, у нее до замужества была длительная связь с Георгием Исаевичем Гасиловым, которого в узком кругу называли Горик. Почти год или, может, больше она с ним сожительствовала. Была у него референтом или офис-менеджером, а потом уже перебралась к Ракитину.

– Ты хочешь сказать, что у Николая Николаевича была еще одна причина для убийства – ревность?

– Не знаю. Но он человек непонятный. Лично знаком с руководством города и с полицейским начальством. Его даже хотели включить в состав общественного совета при ГУВД, но он отказался от этого предложения. Я так думаю, что не дадут нам его посадить. Его связи, деньги опять же. Признают невменяемым и отправят лечиться куда-нибудь, например в Швейцарию.

– Такое возможно?

– За деньги все возможно. По моим данным, Вероника с ее адвокатом уже встречалась с психиатром. Содержание их разговора мне неизвестно, но предположить можно, на какую интересующую их тему они беседовали и о чем просили известного специалиста. Думаю, договорятся. Но вот все знакомые, все коллеги, партнеры по бизнесу... Короче, все-все-все отмечают, что Ракитин – очень разумный, спокойный, хотя порой и жесткий, но все равно душа любой компании.

– Трудно представить жесткого человека, который был бы душой любой компании.

– Это смотря какая компания собирается. Наши с тобой достоинства в их кругах никого бы не заинтересовали, – заметил Евдокимов. – Кстати, я планирую еще раз встретиться с Вероникой Сергеевной и поговорить с ней. Девушка вроде разумная, обаятельная, неглупая. Конечно, она не будет свидетельствовать против мужа, но если предположить невозможное, что Гасилова зарубил не Ракитин, – то... Однако любовный треугольник в любом случае налицо, как говорится. Что вообще связывало образованную и неглупую девушку с Гасиловым, у которого, мягко говоря, темное прошлое?

– Я в курсе его прошлого, – ответила Вера. – Но на твоём месте я бы еще раз опросила главного свидетеля обвинения. Ведь ты выстраиваешь версию, исходя лишь из его показаний...

Они пообщались еще некоторое время, Евдокимов осторожно поинтересовался размерами гонорара, который пообещала жена Ракитина, но тут же сказал, что не хочет этого знать, а то расстроится, потому что у него кредит за квартиру еще не полностью выплачен. И сразу добавил, что та квартира как раз в доме, который построила корпорация Ракитина.

– Плохой дом? – поинтересовалась Бережная.

– Хороший, но банк, в котором взял ипотеку, плохой.

– Тогда зачем тебе копать под Ракитина? Посади лучше плохих банкиров.

– Мысль, конечно, интересная.

На этом разговор и закончился. Пустой разговор, если не считать того, что следователь рассказал о старой связи Гасилова с Вероникой Ракитиной. Эта информация может включить в число подозреваемых и жену олигарха. Хотя прямых улик против самого Ракитина пока вполне хватает. Но это пока, поскольку Бережная уже поручила своему сотруднику отыскать в доме Гасилова того самого охранника, который утверждал, что на «Бентли» приезжал именно Ракитин. Теперь Вера ждала звонка.

За окном начало смеркаться, потом небо потемнело, и начали вспыхивать звезды. Бережная уже не читала переданные ей материалы и не пыталась найти в компьютере что-то еще неизвестное. Узнала лишь, что в сфере интересов Ракитина находится еще дорожное строительство и переработка бытовых отходов.

Смотрела другие городские новости, но самой главной и широко обсуждаемой все равно оставалась тема убийства крупного предпринимателя и то, что полиция рассматривает несколько версий.

Наконец раздался звонок. Сотрудник доложил, что только-только освободился. Он, якобы в поисках работы, попытался проникнуть на территорию резиденции Гасилова, но там действовала оперативно-следственная бригада. И все же удалось поговорить с руководителем небольшой охранной фирмы, которая охраняла дом. Сотрудник агентства «ВЕРА» представился лицензированным специалистом с правом ношения оружия, ищущим теперь любую работу по своему профилю, даже самую опасную и рискованную. Но ему ответили, что здесь уже никто не нужен, хотя номер его телефона все же записали и пообещали в случае чего связаться. Люди, охранявшие дом Гасилова, а их было всего четверо, проживали в двухкомнатном домике на территории. Постоянно дежурили по двое. А в ночь накануне бодрствовал всего один из них, потому что его напарник будто бы решил прилечь на полчаса, тем более что хозяин крайне редко по ночам проверял несение вахты. Того, кто впустил на территорию машину Ракитина, следователи опрашивали долго. И Петру – сотруднику «ВЕРЫ» – за это время удалось про этого охранника кое-что узнать. Тот работал на этом месте около месяца, и коллеги по охранному бизнесу о нем ничего особенного сказать не смогли: сообщили, что некурящий, но пиво иногда пьет. А главное, что теперь, после случившегося, парень уже заявил, что полагающиеся ему две недели отработки брать не собирается, а хотел бы поскорее уехать, пусть даже с потерей вознаграждения.

– Но это не все, это так, вступление, – наконец сообщил Петр. – Я поджидал в машине в двухстах метрах от дома Гасилова и все-таки дождался того охранника. Фамилия его Мешков. Он попросил подбросить его на машине до города – до первой же станции метро. Так что почти час ехали вместе. Он и в самом деле неразговорчив, но когда я представился коллегой, ищущим работу, сразу сказал, что в этих делах ничего не смыслит и поспособствовать не может, а вообще он типа того, что электрик. Почти подъехали к метро, когда ему кто-то позвонил – очевидно, начальство выразило недовольство внезапным исчезновением охранника. Он отвечал достаточно грубо, из чего можно сделать вывод, что вряд ли он туда вернется. Вообще парню немногим за тридцать, для обычного сторожа держится слишком уверенно... А теперь основной результат моей поездки. Я сказал Мешкову, что где-то посеял свой мобильник, возможно, он в машине, и попросил у него аппарат, чтобы по звонку определить. Не сразу, но он клюнул. Протянул мне свой аппарат – не из дешевых, если честно. Я набрал номер своего телефона, который лежал у меня в кармане, поставленный на беззвучный режим. Так что запишите номер этого самого охранника Мешкова и проверьте все его входящие-исходящие за последнее время. Если я нужен, могу подъехать.

– Отдыхай, – отпустила его Вера, – завтра к восьми будь в офисе. Я думаю, тогда уже будет ясно, чем станем заниматься.

И тут же перезвонила Евдокимову, спросила, имеется ли у охраны дома Гасилова журнал учета всех въезжающих на территорию автомашин.

– Есть такой журнальчик, – ответил следователь, – там даже указаны номера авто, которые можно не досматривать. Именно поэтому «Бентли» Ракитина так легко пустили на территорию.

– А вы проверили по журналу, когда Ракитин приезжал не на своей машине до того?

– Разумеется, проверили – в конце мая.

– А тогда подумай, как охранник Мешков, прослуживший при доме Гасилова менее месяца, мог с уверенностью утверждать, что за рулем был именно Ракитин, если он его в глаза никогда не видел?

– Я как-то не подумал об этом, – признался Евдокимов.

Зря, конечно, она дала следователю ниточку. Такие вопросы надо задавать свидетелю во время судебного заседания. Но, с другой стороны, Ваня Евдокимов тоже не чужой человек. К утру она уже получила распечатку всех номеров, с которых звонили на номер охранника Меш-

кова и на которые он звонил сам. Список был небольшим. И один из этих номеров принадлежал человеку, который никаким образом не мог быть приятелем простого сторожа у ворот.

Глава седьмая

Утром в палату заглянул Виктор Викторович – главный врач.

– Никаких изменений? – поинтересовался он.

– Не знаю, – ответила Вероника. – Иногда мне кажется, что он все слышит и все понимает, знает, где находится, что с ним и кто рядом. Смотрю на него, вижу, как он дышит, вижу, как дрожат его ресницы, жду, когда он откроет глаза и скажет мне, что это розыгрыш...

– Скорее бы, – отозвался главврач. – Но в его положении сейчас лучше лежать вот так, как он лежит, никак не проявлять свое настоящее состояние, все понимать и притворяться спящим. Я в детстве очень любил фантастику, и любимой моей книгой был роман «Когда спящий проснется». Теперь, разумеется, едва помню его содержание, но там все наверняка закончилось хеппи-эндом. Герой проснулся и победил всех своих врагов.

– Когда придет Алексей Иванович?

Виктор Викторович посмотрел на стену, где под потолком висели круглые часы.

– Думаю, что он уже поднимается на лифте. Светляков никогда не опаздывает, уж поверьте мне.

Он оказался прав: не прошло и пяти минут, как в дверь постучали.

– Заходите, Алексей Иванович, – крикнула Вероника, – мы ждем вас!

Он пришел в том же костюме, что и накануне, другими были только рубашка и галстук. Светляков ополоснул ладони в настенном умывальнике, может, машинально – по старой врачебной привычке, а может, потому что касался пальцами кнопок больничного лифта. Накануне он этого не делал. И, вытирая руки полотенцем, произнес:

– Я целый вечер размышлял, что мне помешало вчера. И до сих пор не могу понять. Возможны два варианта. Или вашего мужа закодировали, но как ему могли внушить столько информации о княжеском роде Лукомских? Я вчера вечером проверил по компьютеру – все, что говорил Николай Николаевич, истинная правда. Род Лукомских – старинный. В основном все его представители были военными. Хотя и один композитор все же имеется... Я бы побеседовал об этом с вашим мужем, но боюсь, что остановиться не сможем. А вам ведь нужно, чтобы он снова стал Ракитиным.

– Вы сказали, что возможны два варианта введения его в это состояние, – напомнила Вера. – Какой второй?

– Медикаментозный. Ему могли ввести какой-то препарат, как при медикаментозном сне. Трудно сказать, что использовали: жировые эмульсии бензодиазепина, барбитурат... Но это легко проверить. Потом, перед введением таких препаратов несколько часов нельзя принимать пищу и даже пить простую воду. Алкоголь исключен в первую очередь, потому что последствия в таком случае могут быть непредсказуемыми – в том числе именно такие, как мы имеем сейчас. Подобных препаратов сейчас много, и не все мне известны, но это не так важно, что именно ему ввели и вводили ли вообще. Может, ввели что-то, что уже определить невозможно. Но в любом случае я постараюсь, чтобы это все скорее закончилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.